

Виктор Николаевич Усов
В гареме Сына Неба. Жены
и наложницы Поднебесной
Серия «Гарем (Алгоритм)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6686251

*В гареме Сына Неба. Жены и наложницы Поднебесной / Усов В.Н.: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0583-2*

Аннотация

Во все века китайцы верили, что женщина передает мужчине жизненную силу «ци» – это фундаментальное понятие китайской картины мира. Поэтому не случайно император Сюаньцзун, подпавший в 60 лет под чары очаровательной юной наложницы своего сына Ян Гуйфэй, держал в своих дворцах около 40 тысяч женщин. И даже такой ортодоксальный коммунист, как председатель ЦК КПК Мао Цзэдун, свято верил в эту даосскую догму и имел гарем – при полном понимании народных масс.

Автор, известный ученый-китаист Виктор Николаевич Усов в этом оригинальном исследовании ведет рассказ о жизни жен и наложниц Поднебесной со времен древности и до начала XX века, когда правил последний император Пу И. В книге содержится масса интересных сведений об устройстве императорского гарема.

Содержание

Тайны китайских гаремов	4
Сколько женщин положено иметь мужчине?	6
«Личные танцовщицы» нююэ	15
«Смотрины» будущих наложниц	19
От служанки до главной жены	23
Жесткие гаремные порядки	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Виктор Николаевич Усов

В гареме Сына Неба. Жены и наложницы Поднебесной

Тайны китайских гаремов

Все китайские женщины, будь они императрицами или служанками, по сути являлись наложницами. С древних времен одним из главных признаков власти и могущества Сына Неба в Поднебесной был большой гарем. Он предназначался для демонстрации и реализации мужской потенции, обладание которой являлось обязательным качеством правителя с точки зрения культа «священного царя».

«Интимная жизнь императора тоже подчинялась строжайшим указаниям, проистекающим из натурфилософских эротологических теорий и сводящихся к поддержанию в организме партнера равновесия *янной* (мужской. – В. У.) и *иньной* (женской. – В. У.) энергий, – пишет М. Кравцова. – Считалось, что преобладание *инь* над *ян* приводит к истощению мужской половой потенции, преждевременному старению, болезням и летальному исходу. На уровне социокосмического универсума это вызывало различные природные коллизии, связанные с водой: проливные дожди, наводнения, преждевременные заморозки, а также военные конфликты».

Статус каждой обитательницы гарема определялся степенью активности ее энергии *инь*. Наивысшей степенью активности *иньной* энергии наделялась императрица. Однако эта ее энергия не была беспредельна. Поэтому Сын Неба мог вступать с ней в интимный контакт не чаще одного раза в месяц, тем самым, как считалось, обеспечивая возможность забеременеть и родить от императора умное и крепкое потомство. Другие женщины гарема имели право чаще вступать в интимные контакты с Сыном Неба, причем, как считает автор книги «Дворцовые женщины-евнухи» Ван Япин, чем ниже был ранг наложницы, тем чаще она могла это делать, и раньше, чем наложница более высокого разряда. В результате этого фактическими властительницами гарема становились, как правило, наложницы низших рангов, имеющие постоянный доступ в покои императора.

Непременным атрибутом гарема на Востоке служили евнухи. Однако в Китае использование скопцов являлось исключительным правом правящей династии, т. е. императора и князей из императорского рода. Богатым простолюдинам Китая, в отличие от Турции и других стран Востока, под страхом смерти запрещалось заводить евнухов в своих домах и усадьбах. Поэтому термин «гарем» в полной мере применим здесь лишь к императорским и княжеским дворцовым покоям с женами и наложницами.

Мы знаем, что прямыми обязанностями евнухов являлось ограждение женщин гарема от контактов с чужими мужчинами. Однако из рассказов «Цзочжуань» («Комментарий господина Цзо») вытекает, что в ранний период китайской истории с этими своими прямыми

обязанностями евнухи явно не справлялись. По мнению российского историка Л. Васильева, «возможно, причиной было то, что строгие порядки гаремной жизни еще не установились, не были в достаточной мере институционализированы» по сравнению с будущим, а евнухи чаще использовались для выполнения поручений, не связанных с охраной гарема. Именно поэтому замужние женщины из числа знати и тем более вдовы обладали в те годы немалой свободой в поведении и нередко этим злоупотребляли.

Л. Васильев отмечает, что женщины гарема (особенно причастные к политике) в период Чуньцю, в отличие от более позднего времени, чувствовали себя довольно свободно и действовали порой весьма активно. Их активность проявлялась не только в плетении интриг и активной борьбе за реальную власть, чтобы передать престол своим сыновьям, но и в обладании любовниками. Это «касалось не только вдов, чьи связи с высокопоставленными царедворцами зафиксированы в источниках и порой играли решающую роль в политике, но и замужних дам. Причем именно адюльтеры служили поводом для конфликтов, особенно между линиями одного и того же клана и вообще в среде близких и хорошо знавших друг друга людей».

Императорский дворец эпохи династии Мин в Запретном Городе (Гугун)

Известно, что позднее неоднократно делались попытки ограничить деятельность жен и наложниц Сына Неба, особенно вмешательство в дела управления Поднебесной. Так, основатель династии Мин Чжу Юаньчжан в своих «Заветах родоначальника» писал: «...Никогда не допускать своевольной власти обитательницы главного двора (то есть императрицы. – В. У.), кого-либо из второстепенных жен и наложниц... На каждое ночное посещение ими покоев государя установлена очередность. В случае, если появятся жены, ведущие необоснованные речи, то при выявлении зловредности сказанного следует делать им внушение. В императорском дворце не должно быть ревнивых женщин».

Сколько женщин положено иметь мужчине?

Известно, что любой состоятельный мужчина на Ближнем и Среднем Востоке мог иметь несколько жен – это было знаком его благосостояния. Для того чтобы позволить себе такую роскошь, он должен был только обеспечить каждой жене собственный дом, или хотя бы отдельный этаж, или, по меньшей мере, свой особый очаг.

Летний императорский дворец – летняя резиденция императоров Цинской династии на окраине Пекина

Гомер называл многоженство восточным обычаем. У греческих царей и героев было лишь по одной жене, но у Приама, царя малоазийской Трои, было множество жен, хотя его главная жена Гекуба не чувствовала себя при этом ущемленной:

Пятьдесят сыновей я имел при нашествии Рати ахейской,
Их девятнадцать от матери было единой;
Прочих родили другие любезные жены в чертогах.

(Перевод Н. Гнедича)

Царь Соломон (X в. до н. э.) имел, по приданию, от трехсот до тысячи жен родом из разных стран, среди них была и египетская царевна, взятая, впрочем, лишь по политическим мотивам. Когда этот царь заключал союз с какой-либо соседней страной, он брал в жены дочь соответствующего царя. Каждая из жен-цариц имела собственный дом. Как следует из исторических материалов, такой дом существенно отличался от «классического» восточного гарема, тип которого сложился лишь позднее в Персии.

Ислам ограничил количество жен: их у мужчины могло быть не более четырех. «Ваши жены – нива для вас, ходите на вашу ниву, когда пожелаете, и угощайте для самих себя», – говорится в Коране. Хотя сам пророк Магомет этих ограничений не соблюдал – у него было девять жен. А как с этим обстояло дело в Поднебесной?

По преданиям, сын прародителя китайской цивилизации Желтого Владыки имел одну официальную супругу и трех наложниц. Наличие у правителя Древнего Китая четырех жен было (как и в странах исламского мира) нормой дворцовой жизни. Как отмечает российский китаист В. Малявин, четыре жены императора символизировали, по мысли придворных книжников, четыре стороны света и четыре времени года, а вместе с Сыном Неба они составляли священное число пять: пять стихий, пять цветов, пять вкусовых ощущений и т. д. «С этой точки зрения, – отмечает В. Малявин, – императорский гарем являл собой прообраз универсума. Согласно более позднему и более экстравагантному разъяснению, императорская семья должна напоминать чайный сервиз, где одному чайнику сопутствуют несколько чашек». Впрочем, по данным китайского историка Ван Япина, мудрый царь Шунь имел только трех жен, а трижды три образуют девятку – пик мужской силы *ян*.

Девушка в саду. Художник Сюй Пэн Лянь

Число же императорских жен при династии Ся должно было составлять 12 (тройка, взятая четыре раза). При династиях Шан-Инь государю были приданы еще 27 (то есть трижды девять) наложниц, так что теперь император обладал 39 женами и наложницами. Такое число объяснялось еще и тем соображением, что женский век заканчивается в сорок лет. При династии Чжоу число обитательниц императорского гарема возросло уже до 120. Наконец, более-менее окончательный вид организация императорского гарема приобрела при династии Тан.

Женщины и девушки, живущие во дворце Сына Неба, составляли две категории: жены, наложницы и дворцовые служащие. Все женщины императорского дворца разделялись на несколько разрядов. В разные эпохи их число менялось. При династии Цинь (221–207 гг. до н. э.) их было 7 рангов. Ко времени правления императора Юань-ди (48–32 гг. до н. э.), по данным российского историка Р. Вяткина, насчитывалось 14 категорий наложниц. Поэт Цюй Юань (340–278 до н. э.) в «Призывании души» писал:

Шестнадцать молодых служанок
Придут, чтоб угождать тебе,
Наскучат – замени другими, —
Немало есть невинных дев,
Подобных тем, которых иньский
Когда-то Чжоу Синь любил!

(Перевод Н. Т. Федоренко)

В поздниханьский период, по данным С. В. Волкова, для наложниц было установлено только четыре ранга.

А вот какую градацию жен и наложниц приводит историк Ван Япин. Главной среди женщин во дворце была императрица, или главная жена Сына Неба (*хуань хоу*), далее шли четыре дополнительные «жены» (*фу жэнь*) – каждая из них имела особый титул: драгоценной (*гуйфэй*), добродетельной (*шуйфэй*), нравственной (*дэфэй*) и талантливой (*сяньфэй*) наложницы.

По данным трактата «Ли Ци» или других авторов, было также три дамы-фаворитки, занимавшие первую высшую ступень, девять «старших наложниц» или «конкубинок» (*цзю бинь*), занимавших вторую ступень; 27 «младших наложниц» (*шифу*), которые, в свою очередь, делились на: девять *цзе юй* (фрейлин), девять *мэй жэнь* (красавиц) и девять *цай жэнь* (талантов), занимавших третью, четвертую и пятую ступень, еще 81 так называемая «гаремная девушка» (*юй ци*). Они также делились на три категории: 27 девушек *бао линь* (драгоценный лес), 27 – *юй нюй* (императорские женщины) и 27 – *сай нюй* (женщины-сборщицы), составляя шестую, седьмую и восьмую ступени.

При последней династии Цин, по данным российского историка О. Непомнина, наложницы императора делились следующим образом: *хуангуйфэй* — наложница первого ранга, *гуй-фэй* — второго ранга, *фэй* — третьего, *бинь* — четвертого, *гуй-жэнь* — пятого, *даинь* — старшая фрейлина, *чанцзай* — младшая фрейлина, наконец, прислужницы – *шинюй*.

Согласно числовой символике, нечетные числа, кратные 3, символизируют положительные силы природы, мужское начало и мужскую потенцию, были строго регламентированы. Четные числа символизировали женское (отрицательное) начало и женское плодородие. Число три является первым нечетным после единицы: оно означает мощную мужскую потенцию. Девятка – это три раза по три, что означает изобилие. Если перемножить эти числа, получится соответственно 27 и 81.

По некоторым материалам сунского времени, император должен был официально иметь двенадцать жен и наложниц, по числу месяцев в году (три жены и девять наложниц); князьям положено было девять женщин (одна жена и восемь наложниц), а крупным чиновникам – одна жена и две наложницы.

Помимо вышперечисленных наложниц во дворце Сына Неба еще имелись *нюй гун* (дворцовые девушки), которые стояли на последней ступени, и *гун нюй* (дворцовые служанки), которые были за пределами всех ступеней и являлись самыми низшими существами во дворце. В XV в. многие женские функции взяли на себя евнухи, и осталась только одна непосредственная обязанность дворцовых служанок – служба одежды (*шанфучжу*).

Однако, несмотря на строгое подчинение в организации дворцовой жизни определенным числам, в гареме могло быть и больше женщин. Как утверждают китайские авторы Дянь Дэнго и Ван Япин, в период династий Тан (618–907 гг.) и Мин (1368–1644 гг.) во дворцах императора было больше всего наложниц – цифра их доходила до 40 тысяч человек и более. Известно, что император Сюань-цзун (712–756), отличавшийся крайним любвеобилием и подпавший уже в шестидесятилетнем возрасте под чары молодой и очаровательной наложницы собственного сына, Ян Гуйфэй, держал в своих дворцах около 40 тысяч женщин.

На основе исторических материалов Ван Япин приводит такие данные по количеству женщин во дворцах Сына Неба в разные исторические эпохи. Во дворцах Цинь Шихуана (246–210 гг. до н. э.) их насчитывалось 10 тысяч, У-ди ханьского (140–87 гг. до н. э.) – 20 тысяч, У-ди цзиньского (265–290) – 15 тысяч, Ян-ди суйского (605–617) – несколько десятков тысяч, и, как мы уже упоминали, у Сюань-цзуна в танское время – около 40 тысяч женщин.

Во времена других династий в Китае, по данным Дянь Дэн-го, количество наложниц было значительно меньшим. Например, у императора Гуансюя последней династии Цин было всего две наложницы.

Жен и наложниц во дворце обслуживали евнухи и женщины-служанки. Количество тех и других в разные периоды варьировалось. Так, в последнюю половину династии Цин, по данным Дянь Дэнго, у вдовствующей императрицы было 12 служанок, у императрицы – 10, у наложниц первой категории – 8, второй – 6, третьей – 4, у обычных наложниц – 3 служанки.

Китайская свадьба. Художник Ф. Буше

Правом иметь наложниц в древнем Китае, кроме Сына Неба, обладали также князья императорской крови. Однако постепенно мужчины с достатком, имевшие возможность обеспечить содержание наложниц, стали брать их в свой дом. При династии Хань даже мужчины среднего достатка могли позволить себе содержать наложниц. Они нередко выкупали понравившихся им девушек из публичных домов, и этот обычай сохранялся на протяжении последующих династий.

В танское время, да и позже, как считает известный российский историк А. А. Бокшанин, вплоть до XVI века, число наложниц не лимитировалось. Брак с наложницей в те годы оформлялся официально. Наложниц или «брали в жены» (*цюй*), или «покупали» (*май*). «Когда вступают в брак с наложницей, то следует оформлять контракт, – говорилось в танских уложениях. – Если покупают наложницу и не знают ее фамилии, последнюю следует определять посредством гадания». Запрещалось брать в наложницы бывших наложниц родственников старших поколений, а также женщин, носящих одинаковую с будущим мужем фамилию.

«Всем мужчинам разрешается иметь наложниц, – писал знаменитый миссионер Маттео Риччи, побывав в Китае. – И здесь ни социальное положение, ни состоятельность не принимаются во внимание, единственным условием являются исключительно женские прелести. Наложницу можно купить за сто золотых. А иногда и того меньше. Среди низших сословий женщин продают и покупают за серебро и делают это столь часто, как мужчина того пожелает».

На территории императорского дворца Гугун

В танское время, по данным В. М. Рыбакова, было 8 рангов наложниц. Владыке полагалось четыре наложницы 1-го ранга. Они назывались: драгоценная почтенная подруга (*гуйфэй*), благая почтенная подруга (*хуйфэй*), прекрасная почтенная подруга (*лифэй*) и изящная почтенная подруга (*хуафэй*). Наложниц рангом ниже называли «образцами» (*и*), их было шесть: образец чистоты (*шуи*) образец добродетели (*дэи*), образец достоинства (*сяньи*), образец кротости (*шуньи*), образец прелести (*ваньи*) и образец благоухания (*фаньи*). Эти наложницы обязаны были наставлять наложниц более низких рангов в четырех добродетелях: добропорядочности, искусстве поддерживать разговор, умении выглядеть прекрасной и трудолюбию. Наложницы третьего ранга назывались «красавицами», их было четыре. Они должны были руководить имеющим чиновничьи ранги придворными дамами (*нюйгуань*) при устройении жертвенных церемоний, а также ведали делами, связанными с приемом гостей.

Наложниц 4-го ранга полагалось семь, и именовались они «талантами» (*цайжэнь*). Они отвечали за содержание в порядке личных покоев императрицы.

Наложниц 6-го ранга было 27, они именовались «лес драгоценностей» (*баолин*), наложниц 7-го ранга было также 27, они назывались «державными девами» (*юйнюй*), наложницы 8-го разряда именовались «отборными девами» (*цайнюй*).

В «Законах великой династии Мин» было строго расписано – кому, в зависимости от ранга, и сколько полагается наложниц. «Наложниц для находящихся в различных местах *цин*-*ванов* (родственников царственной фамилии – В. У.) разрешается по подаче доклада императору выбирать один раз, самое большое 10 человек, – говорилось в документе. – Старшим сыновьям... по достижении после женитьбы 25 лет, если их жены не родили сыновей, разрешается выбрать двух наложниц. Впоследствии, если родится сын, независимо, от жены или наложницы, ограничиться двумя наложницами. Если и по достижении 30 лет не родится сын, то только тогда разрешается взять всех четырех наложниц.

«Есть цена у золота, а нефрит – бесценен». Китайская поговорка

Старшим сыновьям *цзюнь-ванов*, а также *цзянцзюням* и *чжунвэям*, достигшим после женитьбы 30 лет, если их жены не родили сыновей, разрешается выбрать одну наложницу. Впоследствии, если родится сын, независимо, от жены или наложницы, ограничиться одной наложницей. Если и по достижении 35 лет не родится сын, то только тогда старшим сыновьям *цзюнь-ванов* и *цзянцзюням* разрешается взять всех трех наложниц, *чжунвэям* — двух наложниц.

Простолюдинам сорока лет и старше, не имеющим сыновей, разрешается выбрать и взять одну наложницу».

У китайцев в обиходе существовало такое выражение: «Хорошая жена сумеет подобрать мужу хороших наложниц».

Но иногда жены противились тому, чтобы муж брал наложницу. Примером может быть выдающийся поэт ханьского Китая Сыма Сянчжу (179–117 гг. до н. э.). Он происходил из аристократического, но обедневшего рода в Чэнду (современная провинция Сычуань), с малых лет «любил учиться и фехтовать». Его биография – пожалуй, единственная в древнем Китае, в которой сохранилась не только официальная сторона, но и житейская, интимная – история его любви и женитьбы. Романтическая история произошла в период между очередным падением и взлетом в его карьере. После смерти лянского князя поэту пришлось расстаться с близким ему кружком единомышленников, который был собран этим правителем-меценатом, любившим стихи, и отправиться на родину. Здесь он оказался в крайне бедственном положении, но все же нашел себе покровителя – начальника уезда, который пригласил Сянчжу к себе и вместе с ним ездил в гости к именитым людям.

Так, однажды Сыма Сянчжу попал на пир к известному богачу, у которого была рано овдовевшая дочь Чжо Вэньцзюнь. Красота этой юной затворницы при случайной встрече вдохновила поэта, и он стал импровизировать, аккомпанируя себе на *цине*, вложив в песню свое душевное чувство к ней. От этой песни пошел жанр *тяоцинь*, сходный с испанской серенадой. Изысканная внешность, манеры придворного, его зажигательная песня очаровали Чжо Вэньцзюнь, и она бежала с поэтом из отцовского дома. Отец же в гневе пообещал убить ее и «не дать ей ни гроша». Жизнь «в четырех голых стенах» в родном доме Сыма Сянчжу заставила Чжо Вэньцзюнь пойти на хитрость. Супруги вернулись в Линьцзюнь, продали коня и колесницу поэта и открыли на эти деньги кабачок. Чжо стала хозяйничать у жаровни, а Сыма Сянчжу в одной набедренной повязке, словно раб, мыл посуду. От такого позора отец Чжо не смел «показаться на улицу» и в конце концов, чтобы не «потерять лицо», вынужден был дать дочери в приданое «сто рабов и миллион монет». А когда Сыма Сянчжу стал сановником, «выделил ей в наследство долю, равную с сыновьями».

Однако эта любовь поэта не была последней. Уже стариком он захотел взять себе наложницу и, как полагалось, сообщил об этом своей первой жене. По обычаю, Чжо Вэньцзюнь не имела права возражать против новой женитьбы мужа. Однако она это сделала, презрев все устои, как свидетельствовала сложенная ею песня «Плач о седицах».

Словно в облачке луна – светла,
 Словно шапка снежная – бела...
 Раз вы тайной мыслью смущены,
 Значит, разлучиться мы должны.
 В брачных чашах есть еще вино,
 Но уйти от вас мне суждено.
 Я пойду, куда ведет поток,
 Уносящий воды на восток.
 Стынет сердце, стынет, как мороз.
 Шла я замуж без обрядных слез
 И мечтала, что одной душой
 Доживем до головы седой.

(Перевод С. Торонцева)

Чжо Вэньцзюнь напомнила мужу, что выбрали они друг друга сами, не через сватов, и потому должны вместе пройти всю жизнь. Она объявила изменой желание Сыма Сянчжу

ввести в семью еще одну жену. Мириться с соперницей она не хотела и заявила, что их пути разойдутся так же, как речной поток делится на два рукава. И такова была сила ее убеждения, что Сыма Сянчжу отказался от наложницы.

Резьба китайских мастеров. Слоновая кость

Все бездетные мужья, даже простолюдины, имели официально право взять себе наложницу. Вот как происходило такого рода бракосочетание, по воспоминаниям современников: «В самый день брака с нею муж вместе с законной женой испрашивают благословения от умерших предков, выставляя причиной этого брака продолжение своего рода. Затем муж и жена занимают почетные места в одной из зал своего дома и приказывают наложнице сделать им должные коленопреклонения. Потом муж вместе с наложницей пьет сочетальную чашу и назначает ей имя, которым должны называть ее все остальные члены дома».

Если муж брал в свой дом наложницу и жена к ней хорошо относилась, то и муж относился к такой наложнице с большим уважением.

Мужчина брал себе наложниц, согласуясь не только со своим желанием, но и со своим карманом. В небогатых семьях все наложницы жили в одном доме, сидели за одним столом. Они исполняли всю домашнюю работу, готовили пищу, мыли посуду, словом, вели домашнее хозяйство.

При этом замужней женщине, сколько бы у ее мужа не было жен, предписывалась строжайшая верность супругу. «Идеальная женщина должна быть благорасположена к другим женщинам, которых может взять в свой дом ее повелитель, сама же она может выйти замуж лишь однажды», – говорится в конфуцианском трактате «Нюйцзе» («Идеальная женщина»).

Розовые лотосы. Китайская вышивка

Некоторые считают, что китайские женщины не очень ревнивы. Но это не так. Их ревность обострялась по мере развития конкубината. Ревность стала одним из немногих способов их самозащиты. Ревнивая женщина могла только благодаря силе своей сексуальности заставить мужа отказаться от намерения завести наложницу. Чиновники-подкаблучники частенько появлялись в присутственном месте с синяками на лице, что заставило одного из императоров даже издать специальный указ о наказании ревнивых жен. Известна одна история. Некто по имени Лю Боюй часто любил читать вслух древнюю «Оду о фее реки Ло» (ода написана поэтом Цао Чжи (192–232), поэт воспевает божественную красавицу-фею, у которой явственно проступают черты земной женщины). Однажды он со вздохом произнес так, чтобы его услышала жена: «Какая красавица, вот бы ее в жены!». Жена ему парировала: «Почему ты восхваляешь фею реки Ло и пренебрегаешь мной? Когда я умру, я стану духом воды». В ту же ночь она утопилась в реке. Через неделю жена появилась перед Лю Боюем во сне и сказала: «Ты хотел жениться на фее, теперь я фея». Всю оставшуюся жизнь Лю не осмеливался перебраться через реку. Каждый раз, когда женщины переправлялись через реку на пароме, который назывался «Паром ревнивой жены» (в Шаньдуне), они прятали или укрывали свои красивые одежды и уродовали гримом лицо, чтобы не разыгралась буря. Если женщина была некрасивой, богиня реки ее не ревновала. Женщины, которые перебирались через реку, не вызывая бури, наверняка считали себя уродливыми.

«Личные танцовщицы» нюйюэ

Помимо гаремов у князей и высокопоставленных чиновников еще издревле, в эпоху Чжоу, имелись собственные труппы из *нюйюэ* — обученных танцам и музыке девушек, которые показывали перед гостями свое искусство во время официальных банкетов, трапез и частных пирушек. Эти *нюйюэ* («*нюй*» — женщина, девица) вступали в беспорядочные сексуальные отношения не только со своим хозяином, но и его свитой и гостями. Как свидетельствуют китайские хроники, они часто переходили из рук в руки, их продавали и перепродавали или просто преподносили в виде подарка.

Дарить красивых танцовщиц стало нормой дипломатического этикета при княжеских дворах. Известно, что в 515 г. до н. э. один вовлеченный в тяжбу крупный чиновник предложил судье в качестве взятки труппу таких девушек. Как считает Роберт ван Гулик, *нюйюэ* явились предшественницами «официальных проституток» (*гуаньцзи*).

Мраморный раскрашенный рельеф из гробницы Ван Чучжи. На рельефе представлен придворный ансамбль из 12 музыкантов. Все музыканты – дамы

Наличие подобных трупп танцовщиц и певичек считалось определенным показателем социального статуса их хозяина. Однако со временем изменившаяся ситуация в обществе привела к тому, что только правящие семейства могли позволить себе иметь частные труппы, хотя публичные дома предоставляли профессионалок, умеющих петь и танцевать, всем, кто был в состоянии за это заплатить.

Старые привычки сохранились, а может быть, возродились и в средневековом Китае. Так, в танское время стало считаться правилом хорошего тона, чтобы у каждого процветающего чиновника или писателя, наряду с женами и наложницами, всегда имелись одна или несколько танцовщиц. В то время как жены и наложницы оставались дома, эти девушки сопровождали его повсюду, чтобы украшать и оживлять вечеринки, танцуя, исполняя песни и стихи, подавая вино и поддерживая светскую беседу. У знаменитого поэта Ли Тайбо было две подруги, а у Бо Цзюйи в разные периоды его жизни имелось по несколько девушек. Может быть, как раз об одной из них он сочинил это стихотворение.

Цветок не цветок,
Туман не туман,
В полночь пришла, исчезла с рассветом.
Как сон весенний, пришла... И вдруг
Легким облачком поутру
Сокрылась бесследно где-то...

(Перевод М. Басманова)

И даже строгому конфуцианскому ученому Хань Юю (768–824) не претило содержать танцовщицу, которая являлась его бессменной спутницей. Сохранилось множество стихо-

творений, в которых описываются пирушки с друзьями, где присутствовали танцовщицы (*сицзи*).

О, хризантема, осени цветок...

Многие поэты и писатели эпохи Тан были не прочь переспать с молоденькими девушками вдали от дома и семьи. Это красочно описано Ли Бо в одном из стихотворений.

Попивая вино у горной тропы,
Приветственно махнул рукой всаднице,
Обворожительной девчонке,
Ей едва ли минуло пятнадцать.
«Выпить хочешь?» – спросил,
И она спешила и подошла,
Обворожительная девчонка,
Ей едва ли минуло пятнадцать.
Посадил на колени, захмелел от ее взгляда,
И она, опьянев, согласилась отдаться.
О, утро у горной тропы
И вино, прогретое солнцем
И неистовый жар объятий
Обворожительной девчонки,
Ей едва ли минуло пятнадцать.

(Перевод Ю. Сорокина)

Если на танцовщицах женились, то они обязаны были, разумеется, забыть о своей прежней жизни и развлечениях, во всем подчиняясь своему мужу, храня ему верность и преданность. Не всегда эти перемены было легко переносить. В одном из стихотворений того времени описывается глубокая печаль девушки из публичного дома, которую богатый ловец взял к себе в наложницы, а потом бросил.

Зеленеет трава на берегу речном,
Заполнили сад густые ивы.
Молодая хозяйка сидит пред окном,
Танцовщица.
Она на диво красива.
Нежны ее щеки в румянах и пудре,
Тонки и длинны пальцы прелестных рук.

Когда-то ее называли гулящей и распутной,
Теперь она замужем, хотя гуляка-супруг
Как уйдет – так на целую вечность.
Тяжело ожидать и хранить ему верность.

(Перевод Ю. Сорокина)

Из глубины веков дошло до нас прекрасное китайское искусство вырезания узоров из бумаги «цзяньчжи»

С древних времен в Китае военным чиновникам часто приходилось длительно отсутствовать, занимая временные должности в разных провинциальных центрах или в приграничных с Поднебесной районах. У большинства из них не было средств (да, видимо, и желания), чтобы забрать с собой всех жен и свою семью, и обычно их оставляли дома под присмотром главной жены, а с собой брали только одну или двух «походных» наложниц, как правило, наиболее артистичных. Подобная практика сохранялась и в последующие века. Это часто являлось причиной острых конфликтов, которые описываются в романах танской, сунской и более поздних эпох.

В последние годы существования Маньчжурской империи, когда правительство, предпринимая попытки модернизации страны, пыталось организовать современную дипломатическую службу, послам и представителям за границей полагалось иметь при себе жен, но старомодные главные жены высокопоставленных китайских чиновников не знали иностранных языков и были совершенно не подготовлены к западному образу жизни; то же касалось дополнительных жен и наложниц. Поэтому многие китайские дипломаты того времени в отчаянии направлялись в портовые города, где выбирали себе певичку, знакомую с западными манерами, чтобы потом взять ее в качестве особой наложницы в иностранную столицу и представить ее там как единственную законную супругу.

Любовная сцена

«Смотрины» будущих наложниц

Состав гарема Сына Неба регулярно обновлялся, чтобы во дворце появлялись новые молоденькие наложницы. Для этого раз в несколько лет устраивались специальные «смотрины».

В древности смена женщин во дворце происходила один раз в 10 лет. Позже, во времена династии Цин, каждые три года сменялось больше половины жительниц гарема.

«Смотрины» происходили в несколько туров. Так, в 1599 г. император послал специальных людей по всей стране отобрать лучших претенденток. Как пишет Ван Япин, были отобраны и привезены в столицу 5 тысяч красивых девушек. После первых туров осталось около тысячи, которых и доставили во дворец Сына Неба.

В заключительных «смотринах» обычно участвовал сам император, его мать и ближайшее окружение. Более сотни конкурсанток выстраивались перед очами Сына Неба. Он отбирал из претенденток несколько десятков лучших, которые оставались во дворце.

О, несравненная красота изысканных дев дворца!..
В них обаяние, сладость в них!
Пудра нравится и сурьма – черных бровей черта...
Строен, и статен, и тонок стан, —
Так миловидны черты лица, грация так проста!
В платье коротком летом она, – тонкого шелка ткань,
Тело чуть светится сквозь шелка, а сквозь него – луна...
Танец взвивает края одежд, – благоуханный ток,
Зубы в улыбке ее сверкнут, поступь ее легка!
Полуоткрыла она уста и взор устремила вдаль...
Душу захочешь отдать ей в дар – если душа чиста!

(Перевод А. Адалис)

Китайские дамы

Так писал о девушках императорского дворца знаменитый поэт Сыма Сянчжу.

«Смотрины» кандидаток в наложницы обычно устраивали императрицы-матери в Императорском саду *Юйхуаюань* Запретного города. В одном из дворцов комплекса – дворце *Куньнингун* (Земного спокойствия) были устроены жилые покои императрицы. Кстати, в *Куньнигуне* в 1644 г. при штурме Пекина крестьянской повстанческой армией совершила самоубийство императрица Чжоу, не пожелавшая попасть в плен к повстанцам.

Такие же «смотрины» устраивались, когда император искал себе невесту. В период маньчжурского господства в Китае в упомянутой процедуре, по обычаю цинского двора,

участвовали исключительно маньчжурки – дочери военных чиновников высших рангов. В маньчжурском Китае существовало девять чиновничьих рангов, среди которых девятый считался самым низшим. На «смотрины» приглашали дочерей чиновников высших рангов «восьмизнаменных войск». Все маньчжуры входили в состав этих войск; в мирное время они должны были заниматься производством, в военное время – сражаться.

Дочери маньчжурских сановников и военных с детского возраста переписывались чиновниками Департамента императорского двора. И по определенному указанию сверху отцы должны были доставлять своих дочерей в возрасте от 12 до 16 лет на императорские «смотрины». Уже упоминавшаяся дочь посла маньчжурского правителя во Франции Ю Гэна Дерлин подтверждала, что «дочери всех маньчжурских чиновников второго ранга и выше... должны поехать во дворец, чтобы император из числа их мог избрать себе второстепенных жен, если он пожелает».

Родственницы императорской фамилии не должны были выставлять своих дочерей на смотрины по случаю выбора невесты Сына Неба – вероятно, потому, что это создавало опасность кровосмешения. Китайцы при маньчжурском правлении, в отличие от прошлых династий, тоже, как правило, не принимали, но по иной причине: маньчжурские императоры боялись покушений со стороны представительниц поработанного народа. Но в качестве служанок и в роли наложниц китайки могли допускаться во дворец.

Некоторые маньчжурские аристократы не желали, чтобы их дочери попадали во дворец императора, поскольку жизнь во дворце Сына Неба была далеко не всегда сладка и безоблачна. Поэтому они иногда даже слегка уродовали своих дочерей, чтобы тех не забрали во дворец, или представляли вместо своих дочерей непривлекательных бедных молодых маньчжурок или китайок, купленных специально для этого.

Император в сопровождении императрицы-матери устраивал «смотрины» этим девицам и выбирал из них для своего гарема тех, которые ему особенно приглянутся. Так, 14 июня 1852 г. состоялся один из туров смотрин маньчжурских девушек из аристократических семей, на котором отбор проводила вдова покойного императора Даогуана. Из 60 девушек в императорский гарем были выбраны 28 наиболее достойных. Среди них: младшая сестра покойной жены императора Сяньфэна по имени Нюхулу (будущая Цыань) и шестнадцатилетняя девушка Ниласы (будущая Цыси). После строгого отбора девушек отпускали домой на два месяца: те, кто удачно прошел смотрины, должны были обзавестись соответствующими одеяниями, достойными императорских наложниц. Затем их вновь собирали во дворец Сына Неба.

После Синьхайской революции 1911 г. выборы невест для императора, который продолжал жить в Запретном городе, намного упростились. Вот как он сам описывал это событие.

«Когда князья и сановники, выполняя волю императорских наложниц, напомнили мне, что я уже достиг возраста “великой свадьбы”, если я к этому и проявил какой-то интерес,

то только потому, что женитьба – символ того, что человек стал взрослым, – вспоминал Пу И. – После нее уже никто не мог обращаться со мной, как с ребенком.

Из этих девочек будут выбраны наложницы для императора... Фото конца XIX века

Больше всего эти вопросы беспокоили моих старых тетюшек. В начале десятого года республики (1921 г. – В. У.), то есть когда мне только-только исполнилось пятнадцать лет, императорские наложницы несколько раз приглашали на консультации моего отца, а затем созвали десятерых князей для обсуждения вопроса о женитьбе. После этого до свадьбы прошло два года. Сначала смерть наложницы Чжуан Хэ, а затем моей матери задержали приготовления. Кроме того, политическая обстановка в стране была крайне неясной; к тому же существовали серьезные разногласия в выборе невесты. В связи с этим моя женитьба несколько раз откладывалась.

Кого выбрать себе в жены, в конце концов, разумеется, решал император. При императорах Тунчжи и Гуансюе девушек-кандидаток выстраивали в ряд, и жених тут же выбирал себе невесту. Избранницу на месте отмечали, вручая ей яшмовый скипетр, либо привязывая к пуговице кисет. В мое же время князья после проведенного совещания посчитали, что выстраивать напоказ любимых дочерей почтенных особ не совсем удобно, и решили выбирать невесту по фотографиям. На фотографии приглянувшейся мне девушки я должен был сделать пометку карандашом.

В дворцовую палату Янсиндянь были доставлены четыре фотографии. Мне показалось, что все четыре девушки были одинаковы... Лица на фотографиях были очень мелкими, и трудно было различить, красивы они или уродливы. Можно было сравнить лишь цвет и узоры на халатах – у кого более необычный. В то время мне не приходило в голову, что наступает одно из важнейших событий моей жизни. У меня не было какого-либо идеала, поэтому, недолго думая, я взял и поставил карандашом кружочек на одной фотографии, которая почему-то вдруг мне пришлась более по душе.

Это была дочь Дуань Гуна, маньчжурка по национальности. Ее звали Вэнь Сю (второе имя Хуэй-синь) и она была на три года моложе меня – ей исполнилось всего двенадцать. Это была избранница Цзин И. (Цзин И считалась старшей наложницей, она имела большой вес во дворце. Но были еще три наложницы первого ранга, с мнением которых требовалось считаться.

Император Пу И

Одна из них, Дуань Кан, официально считалась «первой матерью» усыновленного Пу И. – В. У.). Когда мой выбор стал известен наложницам, Дуань Кан была очень недовольна. Не обращая внимания на протесты Цзин И, она настаивала на том, чтобы князя уговорили меня заново сделать выбор, причем, той невесты, которая нравилась ей. Она считала семью Вэнь Сю бедной, а девушку некрасивой, тогда как ее протеже была из богатой семьи и хороша собой. Это была дочь Жун Юаня, маньчжурка из корпуса белого знамени. Звали ее Ван Жун (второе имя Му-хун). Она была на год старше меня – ей было шестнадцать. Слушая уговоры князей, я подумал, почему они не сказали мне об этом раньше, тем более что мне ничего не стоило поставить карандашом кружочек. И вот теперь я поставил его на фотографии Ван Жун.

Однако недовольными на этот раз оказались наложницы Цзин И и Жун Хуэй. Не знаю, о чем спорили наложницы и князя, – вспоминал Пу И, – но Жун Хуэй предложила следующее:

Поскольку его величество сделал отметку на фотографии Вэнь Сю, она теперь уже не может выйти замуж за простого смертного, поэтому ее можно взять в качестве наложницы.

Я подумал, что и в одной-то жене не вижу особой необходимости, а тут вдруг сразу две! Мне не очень хотелось соглашаться с таким предложением, однако возражать против доводов князей я не мог. Согласно традициям предков, император должен иметь и императрицу, и наложницу. Я подумал, что раз это дозволено только императору, то я, конечно, должен быть к этому готов, и согласился».

От служанки до главной жены

В семейной иерархии у каждой женщины было строго определенное место: служанки подчинялись наложницам, наложницы – женам, жены – главным женам, и все без исключения – первой госпоже, главной жене отца, а в случае его смерти – главной жене старшего сына. А в гареме Сына Неба императрица заведовала всеми второстепенными женами.

Ван Жун – жена императора Пу И

Второстепенные жены, а также наложницы не имели права сидеть при первой или главной жене. Это выразилось даже в написании иероглифа «це» – наложница, который состоит из двух частей: сверху иероглиф «ли» — «стоять», а снизу «нюй» — «женщина, девица». Как вспоминал последний китайский император Пу И, в детстве, когда его ввели во дворец в качестве приемного сына императоров Тунчжи и Гуансюя (так как у них не было детей), все их жены и наложницы высших рангов стали «матерями» Пу И. Но главной среди них была вдова Гуансюя императрица Лун Юй, которая постоянно вела «холодную войну» с наложницами третьего ранга Юй, Сюнь и Цзянь за главенство во дворце. И когда восьмилетний император встречался за обедом с Лун Юй и тремя наложницами, то он и Лун Юй сидели за столом, а остальные три женщины должны были стоять.

«Тому, кто низводит главную свою жену в положение второстепенной, – говорилось в законах династии Цин, – назначается 100 ударов; кто при жизни главной супруги дает такое же звание второстепенной, тому назначается 90 ударов; в обоих случаях жены должны быть возвращены в свое первоначальное положение».

Жены и наложницы Сына Неба жили во дворцах. В пекинском комплексе Гугун бывшего Запретного города к востоку и западу от трех дворцов, изначально отведенных под резиденцию императора, имеется по шесть дворцов, предназначавшихся для императриц и наложниц.

Обычно в последнюю эпоху Цин вдовствующая императрица носила светло-желтый халат, расшитый драконами, а наложницы высших рангов – темно-желтый. Наложницы старались угодить жене своего господина, расположение которой почти наверняка обеспечивало к ним хорошее отношение со стороны самого господина.

Вдова Гуансюя – императрица Лун Юй

По мере поступления в дом хозяина наложницы получали свои порядковые номера: наложница № 1, № 2, № 3 и т. д. Чем больше порядковый номер наложницы, тем меньшую цену имела она в глазах общества. Если хотели обидеть мужчину или женщину, то про нее или про него говорили: «Он сын (или она дочь) пятнадцатой наложницы». Такое выражение стало народной поговоркой.

В гареме наложницы должны были оставаться до двадцатипятилетнего возраста, а затем, если у них не появлялось детей, они удалялись из дворца. Наложницы же, родившие от Сына Неба детей, оставались во дворце и могли претендовать на роль жены императора, то есть императрицы.

Известно, что будущая императрица Цыси за красивую внешность была отобрана вербовщиками-евнухами на «смотрины» для пополнения гарема императора. Оказавшись в гареме, она играла довольно незначительную роль, пока не была замечена императором Сяньфэном в тени платанов в летнем императорском дворце. Как это произошло, красочно описывает Сюй Сяотянь в «Сказании о тринадцати маньчжурских императорах».

«Обычно здесь (в местечке, называвшемся Тень платанов. – В. У.) жили только четыре служанки, присматривавшие за домом и убиравшие его, но сейчас к ним добавили двух наложниц. Второй была Ласточка, девушка из большой и состоятельной семьи, для которой чинная придворная жизнь казалась невероятно тоскливой, а хорошая еда и одежда не составляли ничего удивительного. Вспоминая своих родителей, многочисленных братьев и сестер, она плакала с утра до вечера. А Орхидея (так звали Цыси. – В. У.), вволю настрадавшаяся, чувствовала себя в парке как нельзя лучше и радовалась каждому новому платью или вкусному кушанью. К тому же здесь у нее были служанки! С ее веселым, непосредственным характером она быстро превратила платановую рощу в место беготни и смеха и почти забыла о матери, сестре и брате.

Дамы дворца

Девушке нравилась и изысканная уединенность этой рощи, где платановые листья, закрывавшие полнеба, бросали малахитово-зеленую тень на стены дома. Попросив принести ей альбомы со знаменитыми рисунками и прописями, Орхидея увлеченно занялась живописью и каллиграфией, к которым она имела склонность с самого детства. Овладев красивой скорописью, девушка начала писать на оконной бумаге стихи и рядом с ними изображала орхидеи. Вскоре она разрисовала все окна, а во дворе посадила «орхидеи четырех сезонов», чтобы окружающие могли постоянно вдыхать аромат цветка, название которого было ее именем...

Вы думаете, Орхидея украшала свое жилье только ради забавы? Нет, она делала это с далеко идущими намерениями, понимая, что летом в таком тенистом месте вполне может появиться император. Более того, она стремилась ускорить этот счастливый миг – при помощи тех денег, которые Управление двора ежемесячно выдавало наложницам. Орхидея с самого начала не тратила их, а откладывала и, скопив *лянов* двести-триста, дарила евнухам. Те, убажанные столь щедрыми дарами, все время ждали, что девушка о чем-нибудь попросит их, но она ничего не просила, и тогда евнухи по собственному почину стали докладывать ей о каждом шаге императора. Орхидея слушала их, как ни в чем не бывало.

Тем временем весна кончилась, погода становилась все жарче. После обеда император Сяньфэн ежедневно садился в легкий паланкин, который несли восемь евнухов, и ехал отдыхать в Павильон воды, деревьев и чистого цветения. От спального дворца к этому павильону вели две дороги: одна шла через Горный кабинет, другая – через Тень платанов. До сих пор евнухи пользовались первой дорогой, потому что она ровнее и короче, но Орхидея, узнав об этом, подкупила главного управляющего и попросила его отныне носить императора по второй дороге вдоль невысокой стены, которой была огорожена платановая роща.

Когда паланкин Сяньфэна поравнялся с рощей, на него пахнуло свежим ветерком, принесшим мелодичные звуки песни. И то, и другое заинтересовало императора, изнывавшего от жары. Он молча указал на стену, и главноуправляющий тут же велел евнухам нести паланкин в Тень платанов.

Орхидеи. Художник Шэн Лян Янь

За воротами Сяньфэн действительно обнаружил прохладную тень, густой аромат цветов, поднимающихся с обеих сторон дорожки, и воскликнул: “О, какое прекрасное место!”. Ласточка и служанки, увидев священный паланкин, поспешно выбежали из дома и встали на колени посреди двора. Но невидимая певица не умолкала. Заинтересованный Сяньфэн решил сам найти ее и, велел остальным не произносить ни звука, вошел в дом. Там никого не оказалось, однако стихи на окнах и картины с изящной росписью “Маленькая Орхидея” при-

влекли его внимание. Следуя за голосом, который волновал его все больше и больше, император вышел на задний дворик и тут, на берегу пруда, увидел искусственный холм, поросший бирюзовым бамбуком, под которым сидела девушка в маньчжурском наряде: красном халате, зеленых штанах и расшитых туфлях, надетых на белые чулки. Она сидела почти спиной к Сяньфэну, медленно обмахиваясь белоснежным веером их гусиных перьев, а в ее черные, словно крылья цикады, волосы, собранные над точеной шеей, был воткнут большой красный цветок. Край ее розового личика то и дело покачивался в такт песне, тонкая талия изгибалась, как ива...»

Так произошло знакомство Орхидеи и императора, с чего и пошло ее возвышение: в 1853 г. она получила звание наложницы пятого класса (*гуйжэнь*), в 1854 г. – наложницы третьего класса (*бинь*), в 1856 г. – наложницы второго класса (*фэй*) и вскоре, наконец, первого класса (*гуйфэй*). А там уже недалеко было и до звания императрицы (о чем мы подробно расскажем ниже в отдельной главе про императрицу Цыси).

Жесткие гаремные порядки

В комплекс императорских дворцов обычно входили Центральный (парадный) дворец, где проходили официальные церемонии и вершились государственные дела, и Задний дворец, отведенный для гарема, в который мужчины не допускались.

Задний дворец, в свою очередь, состоял из трех частей. Средний дворец по традиции занимала мать императора или главная жена (поэтому ее так и называли – «императрица Среднего дворца»). Восточные апартаменты считались по традиции почетнее западных, поэтому вторая жена жила в восточной части дворца, и ее называли «императрицей Восточного дворца». Третья жена занимала западные покои и называлась «императрицей Западного дворца».

Позднее в императорском комплексе Гугун было построено шесть западных дворцов, где расселились вторые по старшинству императрицы, вдовствующие императрицы-матери и наложницы высокого ранга.

Императорский двор, насчитывающий тысячи чиновников, евнухов, гвардейцев, наложниц гарема, императорской родни и жен, составлял маленькое государство в государстве с собственным управлением, законами, судом и финансами. *Нейюфу*, или Департамент императорского двора, состоящий из большого штата министров и мандаринов, подразделялся на семь ведомств. Третье церемониальное ведомство, к которому было причислено также определенное число евнухов, отвечало за порядок в гареме, составляло свиты и почетные стражи для императорских выходов, поддерживало порядок при торжественных приемах и на празднествах.

При императорском дворе имелась целая когорта девушек, которые должны были обслуживать маленького принца, сына императора. Сразу после его рождения принцу полагалось ровно сорок нянек, среди которых было восемь кормилиц, восемь надзирательниц, поварихи, швеи, фонарщицы, уборщицы, в том числе девушки, специально занимавшиеся сбором драгоценных экскрементов будущего Сына Неба. А когда маленького принца отнимали от груди, кормилиц заменяли евнухами.

Вид на Западное озеро в Ханчжоу

В седой древности при дворе императора также существовали особые придворные дамы (*тунгуань*, *тунши*, *нюйгуань*), главной обязанностью которых было вести учет Царственных Соединений для подтверждения законнорожденности детей. Этот учет они вели специальными кисточками для письма. Впервые должность *тунгуань* была официально учреждена при дворе шанского правителя Чжоу Синя. В обязанности дам, занимавших эту почетную должность, входили две задачи: первая – организация программы сексуальных контактов императора или *вана* (представителя аристократического семейства) и вторая – подбор красивых девушек на каждую ночь.

Если в доханьское время императоры или *ваны* сами подбирали себе девушек, то после династии Хань сложилась специальная система отбора наложниц во дворец. *Нюйгуани* подбирали красивых девушек по указаниям Сына Неба, а затем руководили их воспитанием и обучением.

Как проходили наблюдение и учет над Царственными Соединениями, можно увидеть на примере уже упоминавшегося шанского правителя Чжоу Синя. В его опочивальне было установлено специальное кресло, сидя в котором, *тунгуань* внимательно наблюдала за происходящим, следя за тем, чтобы Царское Соединение действительно имело место без обмана. Для регистрации таких акций использовались специальные кисточки красного цвета. И в позднейшие времена появился даже особый жанр эротической литературы – «Истории, написанные красной кисточкой».

Тунгуани и *нюйгуани* также следили за строгим соблюдением индивидуального «графика посещений» Сына Неба. Известно, что впоследствии ведение такого учета было поручено дворцовым евнухам. И вот как они исполняли это.

Сын Неба, желая провести ночь с какой-либо наложницей, повелевал главному евнуху доставить ее в свои покои. И делалось это по особому правилу. В приемной комнате императора на небольшом столике находился «драконовый» ларец, в котором, разделенные на секции, стояли рядами нефритовые жетоны, на которых были выгравированы имена его наложниц (их могло быть несколько сот). Когда император делал выбор, он вынимал соответствующий жетон, ударял в настольный гонг и молча протягивал табличку вошедшему евнуху.

Наложницы во дворце. Художник Цзяо Бинчжэн (конец XVII – начало XVIII вв.)

По отобранному жетону дежуривший евнух находил нужную наложницу. Служанки уводили ее в спальню, раздевали донага и умащивали благовониями. Обнажали ее также с целью безопасности: в таком виде она не могла прихватить с собой кинжал или нож (так как в истории известен случай, когда одного императора пытались убить с помощью наложницы). Обнаженную наложницу пришедший евнух-посланец заворачивал в специальное покрывало из пуха цапли (почему из пуха цапли – неизвестно, возможно потому, что цапля символизирует в Китае защиту от всякого коварства). После таких приготовлений физически крепкий евнух сажал наложницу к себе на плечи и доставлял в опочивальню императора. Здесь евнух снимал с нее накидку. К решающему моменту император уже должен был лежать в постели, так что наложница проскальзывала к нему прямо под одеяло. Пока эта парочка предавалась наслаждению, главный управляющий палаты важных дел и евнух, принеший наложницу, должны были ждать в соседнем помещении. Если наложница задерживалась у императора слишком долго, главный управляющий кричал: «Время пришло!» (то, что на Западе любой счел бы неслыханным, в Поднебесной воспринималось как естественное, ибо там даже монарх был опутан церемониями, вменявшимися в обязанность). И так до трех раз, пока Сын Неба не откликнулся. Тогда евнухи входили, снова заворачивали наложницу в накидку и уносили. Но до этого главный управляющий становился перед императором на колени и почтительнейше спрашивал: «Оставить или нет?». Речь шла о драгоценном «драконовом семени». Если следовал ответ «Не оставлять!», тогда главный управляющий нажимал на живот женщины таким особым образом, что все «драконово семя» выходило наружу. А если Сын Неба говорил «Оставить», то евнух записывал ее в специальной регистрационной книге учета: «В такой-то месяц, такого-то числа, в такой-то час император осчастливил такую-то наложницу». Таким путем определялась законность рождения ребенка от императора. Эти правила крайне строго соблюдались в зимних дворцах Запретного города. Что же касается летних резиденций, то там *богдыхан* (священный государь) мог себе позволить нарушить строгие предписания, установленные на заре династии Цин.

Хризантемы – одни из любимых цветов китайских живописцев

Если наложниц приносили в спальню императора, то к своей жене он приходил сам и на время, которое не ограничивалось. Тем не менее, каждое такое посещение все равно должно было фиксироваться в особой книге учета. По выходе *богдыхана* из опочивальни коленопреклоненный евнух почтительно ждал ответа о том, состоялось соитие или нет. Если нет, то Сын Неба бросал небрежно: «Уходи!» – и соответствующая графа в книге оставалась пустой.

Итак, мы видим, что император сам оказывался пленником жесткого этикета, существовавшего во дворце. Всяческие условности определяли и сферу любовных развлечений Сына Неба.

По древним законам только женам высшего ранга позволялось оставаться с императором на всю ночь. Наложницы же обязаны были покидать спальню до наступления рассвета. В «Шицзине» сохранилось древнее стихотворение «Звезды», в котором оплакивается ущемление прав наложниц:

Сколько малых звезд на небосводе!
Ярких три иль пять на весь Восток.
К князю я спешу, лишь ночь приходит...
С князем я – рассвета близок срок...
Звездам дал иное счастье рок.
Много малых звезд на небосводе,
Светит Мао, Шэнь уже видна.
К князю я спешу, лишь ночь приходит, —
Одеяло принесет жена...
Звезд судьба и наша – не одна!

(Перевод А. А. Штукина)

На территории Запретного города

Сам термин «звездочки» позднее стал устойчивым для обозначения именно наложниц. У древних китайцев бытовали обычно такие сравнения: муж – небо, жена – земля, муж – Солнце, жена – Луна; второстепенные жены – звезды.

Сексуальные контакты гаремных женщин по закону ограничивались исключительно супружеской постелью, где муж был обязан одарять каждую из своих женщин вниманием. Здесь уместно сказать, что постель была значительно больше, чем необходимо для сна: это было весьма просторное ложе, в сущности, маленькая комната с четырьмя колоннами, соединенными решеткой, а изнутри закрытая занавесками.

Если мужчина в сексуальном отношении игнорировал какую-то из своих женщин, это считалось серьезным прегрешением: ни возраст, ни внешность не принимались в расчет и не позволяли мужу избегать строго предписанного древними протокола, предусматривающего очередность и частотность половых сношений с женами и наложницами.

«Даже если наложница состарится, но при этом еще не достигла пятидесятилетнего возраста, – говорилось в инструкции *«Лицзи»*, – муж обязан совокупляться с ней раз в пять дней. Со своей стороны, она обязана, когда ее приводят к ложу мужа, быть чисто умытой и опрятно одетой; она должна быть как следует причесана и напояжена, одета в длинное платье и обута в соответствующим образом подвязанные домашние туфли».

Существовал ряд второстепенных правил: в случае, если главная жена отсутствовала, то наложница не могла оставаться с мужем всю ночь, а должна была покидать спальные покои сразу же после завершения полового акта.

Только траур по родителям (в течение трех месяцев и более) мог быть для мужчины уважительной причиной воздержания от сексуального союза с женами и наложницами.

Хотя формально у всех женщин и наложниц гарема было право на удовлетворение их сексуальных потребностей, но фактически этого, разумеется, не происходило.

Императорская кровать из дерева с вырезанными на ней 55 драконами

Наложницы императорского дворца до их любовной связи с Сыном Неба все должны были являться девственницами. Регулярные специальные чиновники, как правило, из евнухов (или псевдоевнухов – хитрецов, каковых, как это подтверждает китайская история, было немало при дворе), объезжали страну с целью набрать новых «непорченных» красавиц для императора, но в дальнейшем этих отобранных евнухами красавиц император мог даже и не видеть. Не каждая удостоивалась чести разделить ложе с императором. Потерять же невинность иным способом – например, при помощи псевдоевнуха – многие опасались, во всяком случае, до тех пор, пока в душе еще надеялись на высшее благоволение. Ибо если уже совершившая грехопадение наложница потом все-таки попадала в опочивальню Сына Неба, то кончалось это великим позором для нее и ее ближайшей родни, избежать ужасных последствий которого можно было лишь наложив на себя руки.

Но если наложницу, побывавшую в опочивальне императора и проведенную с ним счастливые часы, он потом забывал на долгие годы, удовлетворять свои женские инстинкты ей уже приходилось с помощью мастурбации, лесбийской любви или при помощи тех же псевдоевнухов. Хотя о таких отношениях китайская история, как правило, умалчивает.

Из-за все более увеличивавшегося числа наложниц в гареме требовалось прилагать все больше усилий для ведения точного учета удачных и неудачных сексуальных союзов императора со своими девушками, отмечать их дату и час, дни менструаций у каждой из женщин и появление первых признаков беременности. Подобные меры были необходимы для определения будущего статуса рождающегося младенца. В «Записках из туалетной комнаты» («*Чжун лоу цзи*») автора Чжан Би (около 960 г.) говорится, что в начале эры Кайюань (713–741) каждой женщине, с которой имел сексуальную связь Сын Неба, ставили на руке специальную печать с таким текстом: «Ветер и луна (т. е. сексуальные забавы) вечно остаются новыми». Эту печать натирали благовонием из корицы, после чего удалить ее было невозможно. И ни одна из сотен дворцовых дам без предъявления этой особой печати не могла претендовать на то, что она удостоилась благосклонности императора.

Китайский евнух

Чтобы забеременеть от Сына Неба и стать матерью наследника престола, достигнуть наивысшего положения во дворце, обитательницы гарема пытались использовать все средства, какие возможно: интриги, клевету, насильственное прерывание беременности, сговор с евнухами, их подкуп, усыновление по политическим мотивам чужого ребенка и даже убийство соперниц.

Из древней истории Китая известно, что императрица Чжэнь, супруга императора Вэнь-ди, была оклеветана одной из фавориток императора. Это привело в ярость Вэнь-ди, и он «даровал» своей супруге право утопиться.

Младший брат императора, известный поэт Цао Чжи, полюбил Чжэнь еще до того, как она стала женой Сына Неба. После смерти возлюбленной он посвятил ей знаменитые поэтические строки:

Как испуганный лебедь, парит,
С летящим драконом изяществом схожа.
Хризантемы осенней прекрасней она,
Сосна весенняя ей сродни.
Похожа на месяц – легкое облачко
Ее от очей скрывает.
Порхает-порхает, точно снежинки,
Влекомые вихрем, влекомые долгим ветром.
Издали глядишь на нее —
Ярка, как солнце, встающее в утренней дымке;
Ближе она подойдет —
Вод прозрачных чистый и скромный
Житель – лотос...

(Перевод Л. Черкасского)

Цао Чжи – древнекитайский поэт, один из наиболее известных поэтов своего времени. Деталь свитка «Фея Реки Ло» художника Гу Кайчжи

Несколько иные порядки в отношении жен, наложниц и женщин при императорском дворе были заведены монгольскими императорами, когда они захватили Китай и основали свою династию Юань. Вот как это описано в «Книге Марко Поло» известным венецианским путешественником:

«Законных жен у него (имеется в виду Кублай-хан, Кубилай, Хубилай, 1260–1295 гг. – В. У.) четыре. А старший сын от них станет по смерти великого хана царствовать в империи; называются они императрицами и каждая по-своему; у каждой свой двор, и у каждой по триста красивых, славных девок. Слуг у них много, евнухов и всяких других, и служанок; у каждой жены при дворе до десяти тысяч человек.

Всякий раз, когда великий хан (Хубилай. – В. У.) пожелает спать с какою женою, призывает ее в свой покой. А иной раз сам идет к ней.

Есть у него и другие подруги, и скажу вам, что есть татарский род миграк (монгольское племя, жившее около Великой Китайской стены. – В. У.), народ красивый; выбирают там самых красивых в роде сто девок и приводят их к великому хану; великий хан приказывает дворцовым женщинам смотреть за ними, а девкам спать с теми вместе на одних постелях, для того чтобы разведать, хорошо ли у девок дыхание, девственны ли они и совсем ли здоровы. После этого начинают они прислуживать великому хану вот каким образом: три дня и три ночи по шести девок прислуживают великому хану в покое и в постели; всякую службу исправляют, а великий хан все, что пожелает, то делает с ними. Через трое суток приходят другие шесть девок, и вот так во весь год, через каждые три дня и три ночи меняется шесть девок».

По данным Марко Поло, от этих жен у Хубилая было двадцать два сына и «еще двадцать пять сынов от подруг».

Видимо, китайские девушки высоко котировались у монгольских правителей. Известно, что Чингисхан еще до завоевания Пекина взял в жены царевну из чжурчжэньской империи Цзинь, находившейся на территории Северного Китая, которая пережила своего мужа более чем на 30 лет. Хотя, по преданиям, она была некрасива лицом и не подарила мужу детей, но, несмотря на это, всю свою жизнь, даже после того как ее родина была завоевана монголами, пользовалась особым почетом как «дочь великого императора». А в 1210 г. император тангутского государства Западное Ся, находившегося на северо-западе Китая, был принужден отдать свою дочь в жены Чингисхану.

Знаменитый путешественник Марко Поло. Миниатюра из книги «Путешествия Марко Поло»

Иногда между китайцами шла тайная война за понравившихся наложниц. Так, известный писатель У Вояо, специалист по историческим романам, в своей книге «История страданий» описывает сюжет, связанный с одним из героев романа – главным евнухом У Чжуном, когда последний помогает канцлеру южносунской династии Цзя Сыдао выкрасть понравившуюся ему императорскую наложницу из дворца Сына Неба. Чтобы кража была не столь заметна, он заменил наложницу «грубой служанкой», а затем, чтобы скрыть все следы подлога, умертвил и тайно похоронил эту служанку.

Наложницы должны были следить за своим туалетом, тратя на это занятие большое количество времени, чтобы в любой момент быть готовыми к интимной встрече с императором. Особое внимание обращалось на прическу и головные украшения. «Тучи волос», уложенные в тугие черные пучки, удерживались шпильками разнообразной формы с превосходной отделкой. Шпилька в Китае считалась символом женщины.

Однако очевидно, что Сыны Неба не всегда помнили всех своих жен и наложниц, особенно в то время, когда их было несколько тысяч. Этим пользовались в корыстных целях евнухи, которые требовали взятки за оказываемые услуги. И седая история Китая хранит факты такого рода.

Так украшали себя женщины в эпоху Пяти династий

Здесь уместно вспомнить одну из древних легенд, связанную с красавицей-наложницей Ван Чжаоцзюнь (она же Ван Цзян, Мин-фэй). Ханьский император Юань-ди (48–33 гг. до н. э.), выбирая себе очередную подругу на ночь по портретам обитательниц своего гарема (видимо, из-за их большого количества наложниц иногда он ни разу не видел некоторых из них воочию), никогда не звал в свою опочивальню эту девушку, так как придворный художник Мао Яньшоу, не получив от нее, как от других девиц, взятки, изобразил ее на картинке уродливой. Ее же, как самую некрасивую, император решил отдать в жены вождю племени

сюнну (гуннам). О красоте Ван Чжаоцзюнь император узнал лишь на прощальной аудиенции, где с первого взгляда влюбился в нее. Но дело было сделано, договор заключен, и красавице-наложнице пришлось уехать на север к вождю племени сюнну. От вождя у нее родился сын.

В один прекрасный день вождь скончался, и его наследником стал старший сын от первой жены. Согласно обычаям сюн-ну, новому хану разрешалось брать в жены женщин отца, и он обратился к Ван Чжаоцзюнь, предложив свою руку. Она попросила время для раздумий. А сама написала письмо императору Юань-ди, изложив ситуацию и надеясь, что он позволит ей вернуться в Китай. Она с нетерпением ждала ответа. Письмо пришло, в нем император в интересах своей страны повелел ей выйти замуж за нового хана. Новому правителю она родила двух дочерей. Она так и умерла на чужбине, тоскуя по родине (ее могила сохранилась на территории Внутренней Монголии). Поэт Лянь Сянь написал об этом так:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.